

18.4.96.

Мельницкий Юрий

Рампа

Экран и сцена

- 1996. - 18.25 апр. - 93

Фантазии

Юрия Мельницкого

Юрию Мельницкому в Ростове не очень везло — его спектакли, оцененные профессионалами, долгой сценической жизни не имели. Но до сих пор в памяти его “Золотая Богиня” по Л.Петрушевской в ТЮЗе (1991 год). Затем были “Игроки” по Н.Гоголю, “Баллада о славном Бильбо Бэггинсе” по Д.Толкину. Упорно не желая работать “на зрителя”, режиссер ставил спектакли скромные, неспешные, жизнь представляла в них как некая загадка, в каждую минуту готовая повернуться неожиданной стороной, отрицая уже утвержденное, маня неведомым.

Перейдя в Театр драмы имени М.Горького, Мельницкий поставил на Малой сцене “Панночку” Н.Садур, версию гоголевского “Вия”, — эдакую изящную страшилку, вызывающе непривычную в репертуаре академического театра.

...Маленькое пространство огорожено барьерчиком, впритык — несколько рядов стульев. Одну из стен занимает огромное окно, за ним грохочут, полыхая убегающими огнями, поезда. Сам же огороженный пятачок пола — зал ожидания захудалого провинциального вокзала и он же привокзальный буфет, в котором за чарками коротают часы три потрепанных жизнью казака — Явтух (В.Райхман), Спирид (С.Галкин) и Дорош (В.Завозин). Сюда на свою беду забредет неказистый студент-философ

Хома Брут (Д.Голубецкий), здесь он услышит от дружков-выпивох и буфетчицы Хвеськи (Ю.Борисова) страшную историю о местной вампирше Панночке (Е.Андриенко). И здесь же, к заснувшему на лавке Хоме явится то ли во сне, то ли наяву сама Панночка — пышнотелая, яркая, синегубая, вся охваченная злорадно-яростным желанием, в котором гореть и злосчастному философу.

Мельницкий “играет” со сценическим пространством легко и непринужденно. Оно у него почти чувственно осязаемо, живо, наполнено звуками. Спектакль начинается, как черная шутка, с замогильной присказки, надолго задерживается на обстоятельных, вроде бы пустопорожних разговорах о сбежавших панских свиньях, и от земного, телесного, “свинского” полюса делает вираж к недостижимым высотам вечности.

А между финальной катастрофой в храме и начальными шутками-прибаутками (рассказывая о Панночке, казаки лихо танцуют, напевая: “А у нас во дворе есть девчонка одна”) бедолага Хома отчаянно пытается и не может — не может! — избежать участия в жестокой иг-

ре в “кошки-мышки” (ему уготована роль мышки), которую навязывают ему казаки. Панночка, сама Жизнь, вдруг потерявшая ясность, разумную объяснимость — все это осталось где-то за вокзальными дверями, умчалось в проходящих поездах.

Дует Голубецкого и Андриенко — дует нерешительного простодушия и адской воли. Сила Панночки в темных, всемогущих стихиях — куда там Хвеське с ее мечтами о скромной жизни до огня Панночкиных желаний! И Хома, избрав Хвеську, не в силах противиться Панночке, теряя по каплям в ее губельных играх с ним, тепло жизни. Но Хоме суждено стать на пути потока хаоса, своим телом закрыть “черную дыру”, образовавшуюся во Вселенной. Маленький человек решается на подвиг тихо и обыкновенно. Вот уже и сняты сапоги — пригодятся кому-нибудь, впереди последняя ночь бдений у гроба ведьмы, катастрофа, смерть. Мельницкий завершает спектакль на чистой, грустной ноте, страшилка оборачивается легендой о спасении мира, смерть утверждает жизнь, хаос подчиняется разуму.

Тамара СЕРГЕЕВА.